

НАСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕГО ПОТИСЬЯ И РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ ПАНИНОНИЯ И ДАКИЯ

История Карпато-Дунайского ареала I-IV вв. н.э. во многом определяется цивилизационным воздействием Римской империи. Активное продвижение римлян в области Нижнего и Среднего Подунавья в I в. н.э. характеризуется рядом внешнеполитических и экономических факторов. Это и борьба за политическую гегемонию на Понте, где экспансия Рима столкнулась с государством Митридата VI Евпатора, и необходимость пресечь постоянные грабительские походы даков на балканские провинции (Страбон, VI,3,5; VII,3,11), и желание обладать мощными сырьевыми базами и "Янтарным путём". Однако, на первых порах, постоянные внутривойсковые конфликты, выливающиеся в гражданские войны, не позволяли молодому имперскому государству проводить активную внешнюю политику в Карпато-Дунайском бассейне. Лишь после политической стабилизации, начавшейся с принципата Августа (27г. до н.э.), Рим переходит от нанесения превентивных ударов по варварам, в частности дакам (Flor, II, 28), к созданию Дунайского лимеса, ставшего продолжением Рейнской границы, созданной Цезарем (Моммзен, 1949, с.173).

К рубежу н.э. Карпатский ареал заселяли фракийцы, иллирийцы и кельты. Чуть позже, к середине I в. н.э., Тисо-Дунайское междуречье ослабляется нашествиями (Тацит, *Анналы*, XII, 29, 30), образовавших так называемый "сарматский клин". Разный уровень социально-экономического развития этих племен, их разобщенность и соперничество друг с другом, мощь Империи, всё это способствовало завоеванию Римом карпато-дунайских земель.

После овладения в 16-15 гг. до н.э. Радией и Нориком следует удар по Паннонии. Военный захват осуществлен в течение 12-9 гг. до н.э. пасынками Августа – Тиберием и Друзом, но только в ходе подавления далматинско-паннонского восстания 6-9 гг. н.э. она была выделена из Империи в самостоятельную провинцию (Dio Cass., LV, 30). С целью более жесткой защиты от вторжений варваров Марк Ульпий Траян в 101-102 гг. разделил Паннонию на Верхнюю и Нижнюю, а Диаклетий (284-305 гг.) на Валерию, Секунду, Приму и Савию (Фитц, 1986, с.273; Мосье, Фитц, 1990, р.36-37,46).

С самого начала своего существования провинция Паннония становится основным военно-политическим центром Империи на дунайской границе с германцами, а затем и сарматами. О её важности в системе обороны Рима против варваров свидетельствуют сосредоточение значительного контингента войск, обычно не менее трех легионов, не считая иррегулярных соединений и Дунайского флота (Моммзен, 1949, с.180).

В правлении Августа легионы размещались по линии Сава-Драва, но уже при Веспасиане (69-79 гг. н.э.) главной квартирой паннонской армии становится Карнунт и Виндобона (Фитц, 1986, с.241-142). Особое значение приобретает Карнунт, через который проходил "Янтарный путь", пересекавший с севера на

Рис.4. Лазурь. Подкурганная площадь.

Рис.5. Лазурь. Северная часть подкурганной площади.

юг западную часть Паннонии по городам: Скарбанция, Савария, Петовнон, Эмона (Колосовская, 1973, с.36). Его общая протяженность от Балтийского побережья до Аквилы 1600 км (Pihlegová, 1984, s.93).

На важность для экономической системы Рима "Янтарного пути" свидетельствует акция Нерона, направившего в Прибалтику своего представителя с просьбой возобновить по нему торговлю (Plin., HN, XXXVII).

К моменту оккупации население Паннонии было разнородным в этническом и общественном отношении. Вместе с кельтскими племенами бойев, тебрисков и скордисков, обладавших высоким уровнем экономической организации, проживали иллирийские племена с несложными формами родоплеменного быта (App., III, 22).

Верхнее Потисье к рубежу н.э. было заселено автохтонными серофракийскими племенами, с четко выраженными чертами латенской культуры, которые в середине I в. до н.э. (около 60 г.) вошли в состав государственного объединения Буребисты (Котигорошко, 1995, с.40). С правлением Буребисты, названного античными источниками "величайшим из царей фракийских" (Inscript, .1, 246), связан новый этап в экономической истории ареала, определяемого с одной стороны, гибелью кельтской цивилизации, а с другой – установлением гегемонии даков и широким распространением их культуры.

Границы даков-гетов, после окончания завоевательных походов, простиралась от Среднего Подунавья на западе до Карпат на юге (Csişan, 1977, p.273-277; Kotigoroško, 1995, p.103).

С приходом в Верхнее Потисье даков на важных коммуникационных путях создаются ряд городов, среди которых крупнейшими политическими и ремесленными центрами типа "дава", становятся Земплин и Малая Копани. По мнению Г.Бихира (1996, p.191), эти пункты можно идентифицировать с Суеудавой и Сетидавой, отмеченных на карте географа II в.н.э. Птолемея (Geograf, II, 11, 13) как крупнейшие форпосты даков на севере Карпатского ареала.

Исследование памятников Верхнего Потисья I в. н.э. позволяют утверждать об установлении определённых связей населения региона с дальней периферией Римской империи, в том числе и провинцией Паннонией. Исходя только из археологических данных (письменные отсутствуют), не представляется возможным однозначно сказать, были они непосредственными, через римских или местных торговцев, или опосредованными, через "сарматский клин". Передаточным звеном могли быть и германские области Среднего Подунавья, где с 9 г. до н.э. обосновались маркоманы и квады, создавшие политические объединения, известные по античным источникам под названием "царства" Марабода (8 г. до н.э. – 19 г. н.э.) (Патеркул, I, 108) и Валиния (20–50 гг.) (Тацит, Летопись, 2, 45).

Посредниками могли быть котинны, осы и буры, занимавшие территорию от изгиба Дуная в сторону Тисы. Первые идентифицируются с галлами, буры с германцами (Тацит, Германия, 43; Dio Cass., LXXI, 12,3), а осы, в той же "Германии", рассматриваются то как германцы, то как паннонцы (Тацит, Германия,

23, 43). Ряд современных историков пришли к выводу, что осы всё же иллирийцы (Колосовская, 1973, с.212; Бандровский, 1988, с.28; Pelikan, 1960, s.246).

В настоящее время мы не можем сказать, как и посредством кого осуществлялись связи Верхнего Потисья с Паннонией, но их наличие в I в. н.э. подтверждается конкретными вещами. В первую очередь, это сотни денариев из единичных находок и составов кладов, а также импортные вещи. Последние составляют немногочисленную, но показательную группу, в основном, происходящую из Земплина и Малой Копани. Главным образом, это сосуды и принадлежности одежды. Из бронзы отлит ковш типа E140, найденный в Малой Копани (Kotigoroško, 1995, p.101, fig.50,48), ковш, кувшин и ведро типа E40 из погребений 23, 77 и 78 Земплина (Budínský-Krička, Lamiová-Schmiedlová, 1990, pl. IV,5-6; XI,9,13). Согласно Г.Эттерса (1951, s.175) подобные сосуды изготавливались в италийских мастерских, в частности, Капуи, в фазе VI. Кампанские стеклодувы второй половины I в. н.э. производили чаши-фиалы из светло-голубого стекла в технике миллефиори (Křaskovská, 1981, s.379,391;1,3) одна из которых вошла в коллекцию стекла Малой Копани (Котигорошко, 1995, с.49, рис.17, 25). Абсолютная дата этих фиал подтверждается материалами Том, где они были найдены вместе с монетами императора Веспасиана (69-79 гг. н.э.) (Buková, 1968, p.34).

К продукции раннеримских мастерских Паннонии и Норика относятся серебряная пряжка с квадратной рамкой и прямоугольной ажурной обойкой из погребения Земплина (Budínský-Krička, Lamiová-Schmiedlová, 1990, pl.XVI,10), бронзовая пряжка с утиной головкой типа Garbs 1a из Малой Копани (Kotigoroško, 1995, fig. 50, 39), повенной фурнитур типа Garbs E 3a из погребения 121 Земплина (Budínský-Krička, Lamiová-Schmiedlová, 1990, PL XVI, 23-26).

Наиболее крупную группу находок на памятниках I в. н.э. составляют профилированные фибулы, в основном, Альмгрен 67-69. Полуфабрикат фибулы из Малой Копани позволяет утверждать, что здесь был налажен выпуск местных застёжек норико-паннонской схемы.

Среди разнообразного вещевого материала, поступающего в Верхнее Потисье из провинций, особое место занимают предметы вооружения. В погребениях Земплина обнаружены два обоюдоострых меча один из которых имеет клеймо с надписью "VTIIIC" (Budínský-Krička, Lamiová-Schmiedlová, 1990, p. 279-280). Согласно И.Вернера (1977, 367-369, 386-386), это оружие, откованное из высококачественной стали, изготавливалось в Норике в начале нашей эры. Здесь интересно отметить, что технология производства норикской стали, заложенная в середине I тысячелетия до н.э. кельтами, не имела себе равных в Европе (Бахе, 1987, с.147). Недаром римляне рвались к завоеванию этой области. На первом этапе захват прошел экономическим путём, а затем военным, что и было оформлено юридически созданием провинции Норик (16-15 гг. до н.э.).

Рассматривая Верхнее Потисье середины I в. до н.э. – I в. н.э., можно говорить о существовании на этих землях определённой экономической и политической стабильности, что нельзя сказать о территории всей Дакии.

Гибель в 44 г. до н.э. Бурбисты, в результате заговора вождей, приводит к распаду государства северофракийцев на четыре, а затем на пять частей, существенно сферы влияния и территориальным потерям (Страбон, VI, 3, II). В первую очередь отпадает понтийское побережье (от Ольвии до Аполлонии), затем левобережье Среднего Подунавья (современная Юго-Западная Словакия), занятые кладами (Тацит, *Анналы*, II, 63), а чуть позже Тисо-Дунайское междуречье, занятые сарматами (Pfin, HN, IV, 25, 80; Тацит, *Анналы*, XII, 29, 30). В итоге этих событий Дакия сократилась до пределов Карпатской котловины.

Новое возрождение могущественности даков относится к эпохе Флавиев (69-96 гг. н.э.), о чем нам сообщает великий римский историк: "... растет слава даков, ударом отвечающих на удар" (Тацит, *История*, II, 2).

Подъем и расцвет Дакии при царях Диурпане и Децебеле продержался не более 50 лет. То что не успел сделать Цезарь, планировавший после гибели Помпея Великого (48 г. до н.э.) поход на даков (Аппиан, X, III, 13; Светоний, *Божест.* Юлий, 44), свершил Марк Ульпий Траян. В 105 г. император на Нижнем Дунае (Верхняя Мезия) сосредоточил 12 легионов, т.е. около 120 тыс. солдат, которые по каменному мосту (длина 1131 м), построенному Аполлодором Дамасским возле Дробет, переправились на левый берег Дуная. С этого момента дако-римские войны вступают в свою завершающую фазу. К лету 106 г. все городища и крепости пали, а царь Децебал покончил жизнь самоубийством (Моммзен, 1949, с.194).

В войнах с Империей погибло множество даков. Около 59 тысяч воинов было доставлено в Рим для участия в триумфе. Многие даки покинули свою страну. И хотя не всё население было уничтожено, но опустошение Дакии было весьма значительным (Колосовская, 1988, с.608).

После захвата Дакии римляне приступили к военно-административной и юридической организации провинции. Она получила статус имперской во главе с наместником консульского ранга.

Одним из важнейших и первоочередных мероприятий осуществленных императором было создание северной и северо-западной линии обороны направленных против свободных даков, в том числе и племен Верхнего Потисья. Как считают исследователи, император Траян прекрасно знал топографию территории прилегающей к Северным Карпатам, что позволило ему выбрать наиболее оптимальное место прохождения лимеса (Fegesz, 1969, с.96). В настоящее время, на основании археологических исследований, можно сказать, что на севере он проходил от гор Мицил по системе гор Апусень, начиная от горы Гэниа (1486 м), затем через г.Кукбиты Марь (1848 м) и г.Владья (1936 м). На северо-западе оборонительная линия граничила с регионом Бая де-Криш-Брад, затем на 3-4 км отходила к западу от лагеря в Бологе, расположенного в долине Кришул Реледе, и далее шла по системе гор Месеш. "Ворота Месеш", через которые проходила важнейшая дорога, проложенная задолго до римского завоевания, прикрывались двумя кастрами, а напротив строится Поролиссум, ставший позднее центром Северной Дакии (Gudea, 1989, p.24-26, fig.1; Abb.9, 34).

На первый взгляд казалось бы лучше и легче проложить лимес по левобережью Тисы – естественному водному рубежу. Кроме меньших затрат при строительстве, Империя приобретала Солотвинские солерудники и Бае-Марское полиметаллическое месторождение (впрочем, она могла их использовать и без военного захвата). Однако, со стратегической точки зрения, созданная линия обороны, несмотря на трудности её сооружения, наиболее плотно закрывала провинцию с севера и северо-запада. Непроходимые горы и ограниченное количество проходов, которые легче было перекрывать, чем долину р.Тисы, по всей видимости, стали основой решения императора Траяна о месте возведения границы, что нашло подтверждение в современных археологических исследованиях *Limes Porolissensis* (Gudea, 1996; Matei, Bajusz, 1997).

С разгромом царства Децебала на северо-востоке Карпатской котловины остаются свободными лишь земли Марамуреша. В Верхнем Потисье прекращается жизнедеятельность на городищах Земплин, Солотвина-Четата и Очешти-Четацья, оставленные жителями в связи с нависшей опасностью римской агрессии. Несколько иная судьба постигла Малую Копано. Являясь наиболее мощным форпостом даков на севере, она в будущем могла стать центром сопротивления. Можно полагать, что именно это соображение заставило римлян организовать экспедицию в Верхнее Потисье. В ходе исследований городища были обнаружены мощные горелые слои, целые участки земли, обожженные до красного цвета, покрытые углем и пеплом, сожженные жилища с находившимся в момент пожара инвентарем, большое количество вещевого материала, который не мог быть просто брошенным в случае внезапного ухода жителей. Вероятнее всего, Малую Копано постигла участь трансильванских городищ и крепостей павших под мечами легионеров Марка Ульпия Траяна.

С образованием римской провинции Верхнее Потисье оказывается в непосредственной контактной зоне с Империей. Римская агрессия, как уже отмечалось выше, приводит к упадку политического господства даков в Верхнем Потисье, к разрыву сложившихся межрегиональных отношений и связей с основной территорией Дакии, перерезанной северным лимесом провинции.

На завоеванной территории проводился ряд политических, экономических и культурных мероприятий, быстро стиравших все местные особенности. Развитие товарного производства, переселение инородного населения и раздача земель ветеранам – таков далеко не полный перечень мероприятий римской администрации, приведшей к романизации фракийского населения Дакии.

Контакты с римлянами, опустошившими и обезличившими в этническом отношении население Дакии, племена Верхнего Потисья на первых порах не поддерживало. Вывод основывается статистикой римских импортов (в первую очередь денариями и terra sigillata), возобновление поступления которых приходится на середину II в. н.э., количественно возрастают после окончания Маркоманских войн (166/167-180 гг.) (Kotigoroško, 1995, p.181-182). Их появление на территории Верхнего Потисья обусловлено торговыми связями и военными вторжениями. Создавшиеся конфликтные ситуации на лимесе заставили императора Адриана (117-138 гг.) поделить провинцию на две, а затем на три час-

ти, составлявшие отдельные военные округа (*Dacia Porolissensis*, *Dacia Superior*, *Dacia Inferior*).

В первую очередь, эти мероприятия были направлены для более жесткой защиты северного лимеса *Dacia Porolissensis*, которая имела собственную армию (*Exercitus Dacia Porolissensis*), что подтверждено эпиграфическими данными, в том числе и штемпелями на кирпичях, изготовленных в легионных мастерских (Ferenczi, 1969, s.96; Gudea, 1989, Tab. I, CXVI-CXXX).

Важность *Dacia Porolissensis* не только в системе обороны провинции, но и как части рейнско-дунайского лимеса, подтверждается насыщенностью оборонительных сооружений и войск на сравнительно небольшой территории (Petulescu, 1987, fig. 1-4). Через её северную границу, тот же Пороллосум, осуществлялись торговые связи с верхнестетскими племенами.

Среди разнообразных предметов импорта, найденных в регионе, наиболее многочисленную группу составляют монеты. Они отражают интенсивность, течение и направление римских интересов и освещают хозяйственно-политический характер римско-варварских контактов. Кроме того, они сыграли важную роль в формировании художественного вкуса и моды, унифицировали стиль изобразительного искусства и принимали участие в политической пропаганде Рима (Kolníková, 1980, s.93).

Известные монеты Верхнего Потисья I-III вв. н.э. происходят из 17 денежных, двух денежно-вещных кладов из более чем 150 пунктов, в том числе поселений, единичных местонахождений (Kotigoroško, 1995, p.132-134; Stanciu, 1995, p.141-156). В общей сложности это не менее 4000 номиналов, из них 95% денариев. В основном преобладали эмиссии Антония Пия, Марка Аврелия и членов их семей, чеканные из полновесного серебра. Следует отметить, что подсчет количества монет, поступивших в регион, далек от реальности. Часть монет послужила сырьем для местных ювелиров, а немалое их количество было расхищено уже в момент обнаружения кладов (Русское Поле, Калинов, Виноградово и др.). Только в Закарпатье бесследно исчезли в руках коллекционеров несколько кладов денариев, найденных 30-40 лет назад.

Главные группы импорта представлены изделиями из бронзы, серебра, золота и стекла. Это кувшины, чаши, блюда, миски, кубки, украшения и принадлежности одежды (Kotigoroško, 1993, s.123-126).

По мнению исследователей, они являлись продукцией италийских и рейнских мастерских (Krausková, 1976, s.430,436; 1981, s.390-392). Простые изделия могли изготавливаться в Паннонии и Дакии (Vago, Bóna, 1976, s.188).

Особую группу находок составляет посуда изготовленная в римских дунайских провинциях. В Верхнем Потисье она известна по коллекции сосудов ретийского и паннонского типов, а также находкам *terra sigillata*. Первые изготовлялись в Реции. Для них характерно исполнение в стиле барбатино (т.е. имитация эллинистических металлических сосудов), с дополнительным декором, нанесенным с помощью зубчатого колеса. Цвет красный, до красно-коричневого, поверхность блестящая (Szoni, 1973, s.87-107).

Паннонская керамика представляет собой сосуды двух типов. Первые, с серым или черным лощением, обычно украшены штампами с растительной орнаментацией (Krekovič, 1981, s.350-352). Эта посуда определяется как типичная для Паннонии и датировалась Т.Колником, с территории Юго-Западной Словакии, серединой II в. н.э. (Kolník, 1958).

Второй тип паннонской керамики представлен расписными сосудами поверхность которых покрывалась полосками, волнами, нанесенными красной или коричневой краской (Krekovič, 1981, s.353-354). На памятниках Юго-Западной Словакии этот тип посуды выступает почти на каждом поселении, а в Верхнем Потисье известен только по комплексу Прешова (Budinský-Krička, 1963, s.13)

Возникновение рэцкой и паннонской керамики связано с развитием местного гончарства с литескими традициями и римской техникой производства (Poczu, 1957, s.38). В Словакии в настоящее время рэцкая керамика датируется второй половиной II – первой половиной III в. н.э. (Krekovič, 1981, s.367, рис.21).

В регионе эта керамика происходит с семи поселений Восточной Словакии (Lampiová-Schmiedlová, 1986, s.137), где была найдена и *terra sigillata*. Последняя представлена 52 экземплярами из 25 пунктов, преимущественно расположенных в западной части Верхнего Потисья. 90% подпадающей определению *terra sigillata* (36 из 48) относится к типу Драгендроф 37 (Котигорошко, 1993, таб.1). Впервые *terra sigillata* появляется в период правления императоров Домициана-Адриана, т.е. в конце I – начале II вв. н.э. Это фрагмент сосуда с поселения Трстене при Горнаде (Драгендроф 33), изготовленный в Южной Галлии (Kuzmová, Roth, 1988, s.113). К продукции Средней и Восточной Галлии относятся несколько более поздних экземпляров, датируемых временем правления императоров Антония Пия – Марка Аврелия (Kuzmová, Roth, 1988, s.67-75, 113).

Поступление *terra sigillata* резко возрастает с началом работы рейншабернских мастерских (вторая половина II в. – первая половина III в. н.э.) и их филиалов в Вестендорфе (Рэция). Импорт *terra sigillata* в первой половине III века расширяется за счет продукции пфаффенгофских мастерских, расположенных недалеко от вестендорфских (Kuzmová, Roth, 1988, s.149).

Выясняя пути проникновения *terra sigillata* в северозакарпатские области и Среднюю Европу, исследователи особо подчеркивают роль Паннонии. Я.Гречкова (1982, s.27), уточняя это положение, прямо указывает на Паннонию и Норик как на рынок вестендорфских мастерских, у которых Бригения, расположенная на Среднедунайском лимесе, выступала посредником в торговле с варварскими территориями, лежащими к северу от Дуная. Вывод подтверждается значительным сосредоточением в Бригении продукции вестендорфских и рейншабернских мастерских, а также большим количеством *terra sigillata* в Юго-Западной Словакии, непосредственно расположенной в контактной зоне с Среднедунайским лимесом. Прекращение поступления импортной керамики объясняется осложнением политической ситуации на Среднедунайском лимесе, связанной с усилившимся напором германцев в период правления императора

Галанена (253-268 гг.), закончившегося захватом маркоманами Верхней Паннонии (Aurel Victor. *Epit.*, 33, 1).

Подсчеты количества импортной керамики с разных зон варварского мира Карпатской котловины показывают неравномерность её распределения. Широко использовалась terra sigillata в Словакии (за исключением её восточной части), где было найдено около 800 обломков и целых сосудов (Kuzmová, Roň, 1988, s.151). Сравнительно незначительное её число найдено на территории "сарматского клина" в Тисо-Дунайском междуречье, но намного больше в северных областях, заселенных квадами, осами и котинями (Gabler, Vadau, 1986, s.46, Abb. 21).

Неравномерность поступления этого вида товара в варварские области объясняется целым рядом факторов, в частности, географическим расположением той или иной области по отношению к лимесу, этнической принадлежностью населения и формой его хозяйственной деятельности, расположением торговых путей и характером питания.

В Верхнее Потисье импортная керамика видимо поступала через южно-словацкие земли. На это указывает факт её большего сосредоточения в западной части региона, чем в юго-восточной, непосредственно стыкующейся с северным лимесом провинции Даккии. Последнее обстоятельство оказало влияние на дальнейшее развитие местного гончарного производства, что отразилось на появлении целой сети сельских мастерских и создании промышленного района в бассейне р.Минц. В общей сложности в регионе позднеримского времени зафиксированы 184 гончарных печи в 10 пунктах. Для сравнения: на огромном массиве черняховской культуры Правобережья Украины и Молдовы, где известно более 3500 памятников, на начало 90-х гг. открыто 42 гончарные печи на 29 поселениях (Бобринский, 1991, с.185).

Гончары Верхнего Потисья специализировались в производстве кухонной, столовой посуды и тары для хранения припасов. Доминирующее место занимало изготовление столовой посуды со штампованным орнаментом. В первую очередь это касается промышленного района Минц, ассортимент посуды которого в основном состоял из мисок, кувшинов и ваз, украшенных штампованным декором (Kotlygoroshko, 1997).

Штампованная керамика не является атрибутом, присущим исключительно верхнетисскому гончарству и известна в других регионах, в том числе на территории такого огромного полиэтнического массива как черняховская культура (Славяне ..., 1980, с.156, рис.27). Однако, нигде она не имела такого широкого распространения, богатства и многообразия орнаментации, что позволяет говорить о феномене в области гончарства Верхнего Потисья (Kotlygoroshko, 1993a, с.154).

Появление рассматриваемого типа керамики исследователи связывают с работой мастерских Греции. Из греческих колоний Средиземноморья вместе с гончарным крутом, она в конце V в. до н.э. внедряется в кельтское производство Европы, постепенно распространяясь на широкой территории (Filip, 1956, с.494-495). В датенской культуре Верхнего Потисья штампованная керамика не

получила признания и известна в единичных экземплярах, полностью исчезая к рубежу нашей эры (Kotlygoroshko, 1995, p.57-60, fig.4,15; 5,2; 14).

Таким образом, исходя из имеющихся данных, можно говорить об отсутствии местных корней в производстве штампованной керамики. С другой стороны, есть все основания (мастерские и продукция) утверждать о сложившемся традиционализме в сфере производства сероглиняной посуды, заложенном кельтами в III-II вв. до н.э.

Её повсеместное распространение в варварском мире Европы позднеримского времени объясняется явлением, получившем название "кельтский ренессанс" (Щукин, 1973, с.17-23). Однако, по отношению к территории к востоку от Карпат подобное заключение не имеет ни этнической, ни материальной основы. Наиболее вероятно, что рассматриваемое явление (широкое распространение сероглиняной посуды) результат моды, сложившейся в варварском мире Европы под влиянием римских провинциальных производственных центров. Здесь же следует остановиться на таком важном вопросе как месте изначального производства штампованной керамики в римское время и возможных путях её проникновения в Верхнее Потисье.

В Словакии первый, кто обратил внимание на штампованный декор, был Т.Колник (1958, с.61-66). Проводя сравнительный анализ посуды и орнамента, он пришел к выводу о возможности импульсов в восточно-словацкую область из Даккии. Позднее к этой точке зрения присоединилась М.Ламнова-Шмедлова (1969, с.467-469). Выводы исследователей подтвердились в настоящее время благодаря созданию солидной источниковедческой базы. Именно Северная Даккия и, в первую очередь, Поролиссум, были исходными пунктами откуда римская провинциальная технология поступала на земли Верхнего Потисья. Ее восприятию и внедрению способствовали такие немаловажные факторы как традиционализм местного гончарства, заложенного кельтами, и наличие богатых сырьевых ресурсов (Kotlygoroshko, 1997).

Здесь следует отметить, что при сравнении орнаментационных мотивов сероглиняной посуды Верхнего Потисья и Поролиссума бросается в глаза не только заимствование основных видов штампов, но и развитие декора путем усложнений комбинаций её геометрических и растительных узоров (Kotlygoroshko, 1997, fig.11).

Одним из главных вопросов в решении проблемы ремесленного производства на варварских землях – вопрос о его сложении и организаторах. Я.Велопейский (1960, p.109) считает, что организаторами гончарства в этих областях были ремесленники с провинций. Свое непрочное положение, в связи с кризисом Римской империи в конце II-III вв. н.э., они решали уходом на север, где им обеспечивалась охрана и дешевая рабочая сила. В этом отношении Верхнее Потисье имело все условия для дальнейшего развития гончарства и восприятия римской технологии производства. Можно полагать, что в изготовлении гончарной посуды на территории региона принимали участие местные мастера и выходцы из соседней провинции Даккии. На это указывает: сохранение традиционных гончарных печей кельтского типа, появление печей с опорным стол-

бом в топке, распространенных в провинции Дакия (Henning, 1977, с.193-194), а также широкий ассортимент посуды – подражаний римско-провинциальным образцам.

Вышеприведенные данные позволяют говорить о существовании мирных отношений между населением с обеих сторон северного лимеса Дакии. Однако, серия ударов, нанесенных варварами по Фракии, Мезии, Паннонии и Дакии начиная с середины III в. н.э., вторжение ютунгов в саму Италию заставило императора Аврелиана в 271 г. вывести войска, администрацию и часть населения из Дакии.

В контексте истории Юго-Восточной Европы, это вынужденное отступление Империи привело к тяжелым и необратимым последствиям для основной массы населения Карпатского ареала. Разрушился существовавший политический и этнический баланс в карпатских землях, римские города пустеют, а местные племена втягиваются в затяжную полосу антиримских и междуусобных войн.

О сохранении связей Верхнего Потисья с Паннонией свидетельствует керамика, имеющая аналоги среди изделий гончарных мастерских Аквинкума и Бригидии. Наличие определенных отношений с Империей в IV в. подтверждают находки изделий из цветных металлов, стекла, единичных местонахождений монет (43 экз.), а также клады: денежно-вещевой из Брестова и монетный из Кривоштыя. Оба клада с последней эмисией императора Валента (364-378 гг.) (Котигорошко, 1993, с.134).

И в заключение. Рассматривая уровень воздействия Империи на население Верхнего Потисья, следует отметить неадекватность его интенсивности в разных областях Карпатской котловины. Этот процесс зависел от целого ряда факторов, среди которых отмечаем наличие или отсутствие определенного базиса, во многом определяемого степенью дигенизации субстрата в последней четверти I тысячелетия до н.э.

После образования подунайских провинций и Дакии устанавливаются определенные отношения между населением с обеих сторон лимеса. Если в Подунавье они зачастую, начиная с рубежа нашей эры, носили открыто враждебный характер, выражавшийся в периодических стычках германских, дакийских и сарматских племен с римскими войсками (Pelikan, 1960, с.246-250), то в верхнетисской контактной зоне эти отношения были более гармоничными и стабильными. Сложившаяся ситуация объясняется с одной стороны географическим положением, а с другой – этническими инвазиями в тех или иных регионах. Тисо-Дунайское междуречье в течение I – середины IV в. н.э. постоянно пополнялось всё новыми и новыми волнами сармат, перемещавшихся с востока, Среднее Подунавье – германцами с севера. Положение Верхнего Потисья, закрытого с севера и с востока горным массивом Карпат, во многом способствовало бесперывному развитию северофракийского субстратного населения на протяжении VI в. до н.э. – IV в.н.э. и минимальному проникновению чужеродных этноэлементов (вандалы, гетты).

Цивилизационное влияние Рима на варваров, несмотря на меняющиеся отношения от мирных к враждебным, имело восходящую тенденцию, которую не приостановил начавшийся в III в. экономический и внешнеполитический кризис Империи. Стремление владеть римским товаром, показателем общественного положения его владельца, было важным мобилизационным фактором в экономической и социальной сферах отношений.

Восприимчиве не только импортов, но технологии производства зависели от уровня развитости базиса той или иной варварской области. К началу римской экспансии в карпатские земли, Верхнее Потисье располагало ремесленным производством рассчитанным на широкий рынок сбыта, наличием товарно-денежных отношений и посредников между производителями, то есть теми факторами, которые создали благоприятную среду для внедрения достижений римской цивилизации.

Все это способствовало росту социальной дифференциации, выделению торгово-ремесленного слоя, а в конечном итоге – изживанию первобытно-общинных отношений. Происходившие процессы были прерваны политической ситуацией, сложившейся в эпоху Великого переселения народов. С конца IV в. н.э. Карпато-Дунайский ареал становится ареной кровопролитных войн. Постоянные, все нарастающие удары германцев, сармат, а затем гуннов по лимесу Империи приводят к необратимым последствиям в ареале. Разгрому и занятию подверглись подунайские провинции, в том числе и Паннония, а в Верхнем Потисье к началу V в. н.э. прекращает существование многовековая культура северных фракийцев.

Литература

- БАКС К. Богатство недр. – М., 1987.
БАНДРОВСКИЙ О.Г. Римська імперія і племена Карпатського регіону // Історія стародавності і середньовіччя. – Львів, 1988. – Вип.24. – С.26-34.
БОБРИНСКИЙ А.Г. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. – М., 1991. – 214 с.
ИОРДАН. О происхождении и деяниях гетов. – М., 1960. – 436 с.
КОЛОСОВСКАЯ Ю.К. Паннония в I-III веках. – М., 1973. – 253 с.
КОЛОСОВСКАЯ Ю.К. Кельты, иллирийцы, фракийцы на Дунае // История Европы. – М., 1986. – Т.1. – С.504-511.
КОТИГОРОШКО В.Г. Римские импорты и выделение экономических районов в Верхнем Потисье. // ВДИ. – 1993. – №3. – С.121-136.
КОТИГОРОШКО В.Г. Гончарное производство в Верхнем Потисье III в. до н.э. – IV в.н.э. // Ур. – 1993. – IV. – С.143-156.
КОТИГОРОШКО В.Г. Фракийцы Верхнего Потисья / III в. до н.э. – IV в. н.э. – Ужгород, 1995. – 131 с.
МОММЗЕН Т. История Рима. – М., 1949. – Т.V. – 631 с.
СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ. Жизнь двенадцати цезарей. – М., 1990. – 255 с.
СЛАВЯНЕ Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – 485 с.

- СТРАБОН. География. – Л., 1964. – 940 с.
- ТАЦИТ КОРНЕЛИЙ. Малые произведения. История. – СПб., 1993. – Т. I-II. – 736 с.
- ФИЦ Й. Римская Паннония // Археология Венгрии. – М., 1986. – С. 237-277.
- ЦЕЗАРЬ ГАЙ ЮЛИЙ. Галльская война. – М.-Л., 1948. – 559 с.
- ШУКИН М.Б. Черняховская культура и явление кельтского Ренессанса (к постановке проблемы). – КСИА. – 1973. – Вып. 133. – С. 17-23.
- VIHIR Gh. Dacia liberi din nordul Daciei // Thraco-Dacia. – 1996. – T. XVII. – p. 191-202.
- BUKOVALÁ M. Vase antice de sticlă la Tomis. – Constanța, 1968. – 173 p.
- BUDINSKÝ-KRIČKA V. Sídliisko z doby rimskej a zo začiatkov s'abovania narodov v Prešove // SA. – 1963. – XI-1. – S. 5-58.
- BUDINSKÝ-KRIČKA, LAMIOVÁ-SCHMIEDLOVÁ M. A late 1-st century B.C. – 2-nd century A.D. cemetery at Zemplín // SA. – 1990. – XXXVIII-2. – P. 245-344.
- CASSIUS DIO. Istoría Romana. – București, 1977. – T. II. – 663 p.
- CRISAN I.H. Burebista și epoca sa. – București, 1977. – 531 p.
- EGGERS H. J. Der römische Import im freien Germanien. – Hamburg, 1951. – 212 S.
- FERENCZI St. Cu privire la apararea botanulus de nord al provinciei Dacia // SMSC. – 1969. – p. 91-110.
- FILIP J. Keltové ve střední Evropě. – Praha, 1956. – 552 s.
- GABLER D., VADAY A.H. Terra sigillata im Barbaricum zwischen Pannonien und Dazien. – Budapest, 1986. – 85 S.
- GARBSCH J. Die norisch-pannonische Frauentracht im 1. und 2. Jahrhundert. – München, 1965. – 236 S.
- GUDEA N. Vasele ceramice, ștampilate de la Porolissum // AMP. – 1989. – IV. – P. 105-145.
- GUDEA N. Porolissum. II. – Cluj-Napoca, 1996. – 449 p.
- GUDEA N. Der Meseș-Limes. – Zalău, 1997. – 129 p.
- HEČKOVÁ I. Podiel výrobných centier rímskych provincií na spoločensko-ekonomickom vývoji naddunajského barbarikuma vo svetle rímskych impotov // SA. – 1982. – XX. – S. 5-78.
- HENNING J. Entwicklungstendenzen der Keramikproduktion an der mittleren und unteren Donau im 1. Jahrtausend u.Z. // Zeitschrift für Archäologie. – 1977. – II. – S. 181-206.
- Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. – Petropoli, 1916. – I, 246.
- KOLNIK T. Die pannonische Keramik mit Stempelverzierung und ihre Einflüsse in der Slowakei // Epitymbion Roman Haken. – Praha, 1958. – S. 61-70.
- KOLNIKOVÁ E. Rímske mince na Slovensku. – Bratislava, 1980. – 116 s.
- KOTIGOROSKO V. Ținuturile Tisei superioare în veacurile III î. e.n. – IV e.n. (Perioadele La Téne și romană). – București, 1995. – 338 p.
- KOTYGOROSHKO W. Stamped ceramics of the upper Tysa region // AMP. – 1997. – XXI. – P. 801-832.

- KRASKOVSKÁ L. Rímske bronzové nádoby na Slovensku // SA. – 1976. – XXIV-2. – S. 429-440.
- KRASKOVSKÁ L. Römische Glasgefäße in der Slowakei // SA. – 1981. – XXIX-2. – S. 377-392.
- KREKOVIC E. Rímska importovaná keramika na Slovensku // SA. – 1981. – XXIX. – S. 341-376.
- KUZMOVÁ K., ROTH P. Terra sigillata v Barbariku. – Nitra, 1988. – 225 s.
- LAMIOVÁ-SCHMIEDLOVÁ M. Römerzeitliche Siedlungskeramik in der Südslowakei // SA. – 1969. – XVII-2. – S. 403-501.
- LAMIOVÁ-SCHMIEDLOVÁ M. K otázke proveniencie mincí z doby rimskej na výhodnom Slovensku // SN. – 1986. – IX. – S. 131-144.
- MATEI A., BAJUSZ I. Castrul romana de la Romita-Certinae. – Zalău, 1997. – 247 p.
- MOCSY A., FITZ J. Pannonia régészeti kézikönyve. – Budapest, 1990. – 386 old.
- PELIKAN O. Slovensko a rímska impérium. – Bratislava, 1960. – 279 s.
- PICHLEROVÁ M. Jantárová a Limitná cesta v Bratislavskej bráne // Zborník prác Ludmily Kraskovskej. – Bratislava, 1984. – S. 92-106.
- POCZY Sz.K. Die Töpferwerkstätten von Aquincum // AAH. – 1956. – 7. – S. 73-138.
- STANCIU I. Contribuții la cunoașterea epocii romane în bazinul mijlociu și inferior al râului Semeș // EN. – 1995. – V. – P. 139-180.
- SZÖNY E.T. Zur Verbreitung und Herstellung der sogrätischen Keramik in Pannonien // AAH. – 1973. – 25. – S. 87-109.
- VAGO E.B., BÖNA I. Die Gräberfelder von Intercisa I. Der spätromische Südostfriedhof. – Budapest, 1976.
- WERNER J. Spätlatène Schwerter norischer Herkunft // Simposium ALZAG. – Bratislava, 1977. – S. 367-402.
- WIELOWIEJSKI J. Przemiany gospodarczo-społeczne u ludności południowej Polski w okresie późnolateńskim i rzymskim // Materiały Starożytne. – 1960. – T. – P. 86-120.

Kotigoroshko V.

THE UPPER TISZA POPULATION AND ROMAN PROVINCES OF PANNONYA AND DACIA

Summary

The article deals with one of the aspects of the ancient history of the Upper Tisza: namely contacts with Roman provinces. At the initial stage (1 c. B.C. – 1 c. A.D.), the contacts were indirect and as of the 2nd c. A.D. – direct, which can be observed by the creation of the province – Dacia.

The study of Roman imported goods allows us to assert the increasing tendency in the amount of import (decorations, clay-wear, coins) into the region and hence, administering links with Carpatio-Danube areal.

The import of not only goods but also the 'know-how' testifies to the fact of welldeveloped local basis which enhanced the implementation of the achievements of Roman civilization.